

«...НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО НЕТ!»

САПОЖНИК — профессия по традиции преимущественно мужская. Женщин-сапожников не так уж много. А женщины, возглавляющие цехи обуви в театрах, где производство особенно сложное, — такая большая редкость, что режиссеры из других городов, приглашенные в Свердловск для постановки спектаклей, делают большие глаза, когда их знакомят с Ниной Клементьевной Захаровой.

Ее зовут в театре музкомедии Ниной. И совсем не потому, что возраст располагает к этому, — просто Н. К. Захарова пришла сюда совсем девочкой, здесь выросла, повзрослела, набралась мастерства, и за сорок лет работы театр стал для нее родным. Она чувствует себя здесь, как в семье, и, как в семье, к ней обращаются уменьшительно-ласково.

Когда, глядя на многочисленные Почетные грамоты, развешенные по стенам цеха, я спросила у Нины Клементьевны, неужели за все годы работы у нее не было ни одного замечания, она в ужасе замахала руками: «Что вы, как можно?!» — а ее коллеги даже отложили инструменты, услышав столь невероятное предположение...

Иногда до ста пар обуви на спектакль шьет маленький коллектив этого цеха. Обувь, как читатель, конечно, понимает, бывает самая разная — от царских ботфортов до лаковых туфель на платформе. Кое-что театр закупает — для спектаклей на современную тему, но не часто. В цехе мне отыскали один секрет: многие актрисы любят особенно высокий каб-

лук, да и актеры не лишены этого пристрастия. Цех обуви учитывает их пожелания. И вообще, здесь готовы выполнить любую просьбу, любой заказ, даже самый фантастический.

Много идет, конечно, от модельера-закройщика — С. М. Гофмана. Его трудовой стаж — шестьдесят четыре года. В это нелегко поверить, тем более, что сам Самуил Михайлович выглядит моложе собственного стажа.

И все-таки годы есть годы, и мастеру трудно бывает уже ездить на работу в трамваях в часы пик, да, собственно, и нужды в этом особой нет — если иметь в виду только материальную заинтересованность, но вот, поди ж ты...

— Я иногда подумываю уйти, да вот Ниночка против, — Самуил Михайлович бросает лукавый взгляд из-под кустистых бровей на свою начальницу, и теперь уже Нина Клементьевна оставляет работу:

— И не думайте! Да как же мы будем без вас?

Старый мастер, удовлетворенно улыбувшись, склонился над заготовкой...

Производственные цехи театра расположены на самых верхних этажах. И когда ходишь из одного в другой, заглядываешь на склады, то попадаешь в совершенно особый мир, с вероухами одежды и обуви разных времен и народов, тканей самых невероятных расцветок, тончайшего кружева... И надо подойти очень близко, чтобы убедиться, что кружево — это рисунок серебром на капроне, а зо-

лотое шитье — бронзовая краска на атласе.

Здесь вам могут сообщить массу любопытного — ту же бронзу, например, предварительно жарят на сковородке, чтобы она приобрела оттенок старинного золота — и так далее, и тому подобное. Но не эти сказочные превращения обыкновенных вещей в чудесные поразили нас больше всего, а другое: огромная нежность, с которой люди, работающие здесь, относятся к театру. Их привели сюда дороги любви: и Н. К. Захарову, которая еще в детстве мечтала о театре и была счастлива, когда ее приняли сюда «девочкой на посылках» — она разносила обувь; и С. М. Гофману, который оставил ателье сразу же, как только представилась возможность перейти в музкомедию; и Варвару Евстафьевну Седышеву, возглавляющую цех росписи тканей, — она сменила на этом посту свою мать, так что любовь к театру в их семье наследственная; и юную Нину Клепикову, которая свой первый самостоятельный образец росписи унесла домой, как дорогую реликвию, и с гордостью показывает теперь друзьям; и заведующего цехом пошива мужской одежды М. Г. Чеснера...

Этот цех — первый в театре коллектив коммунистического труда.

Что отличает его работу? Самое главное — отсутствие специализации, или — если хотите — широчайшая специализация: здесь шьют любые аксессуары, любую одежду, от манишки и галстука до смокинга и военного обмундирования.

На столах разложены десятки эскизов костюмов к готовящемуся спектаклю «Гори, гори, моя звезда». Уже даже «амплитуда» одежды для одного спектакля говорит об уровне мастерства работников цеха: на эскизах — гимнастерка красноармейца, полная форма белогвардейского офицера, бархатный костюм «свободного художника» и многое другое. А рядом с эскизами — большой кусок грубой белой ткани. Это она, побывав в театральной красильной, преобразится в необходимой расцветки «шевиоты» и «габардины».

Для мастеров этого цеха тоже поистине ничего невозможного нет. Но есть у них свои пристрастия...

— Мы особенно любим шить одежду для классических спектаклей, потому что она труднее, а значит, интереснее. А как иначе? У нас ведь работа творческая! — эти слова М. Г. Чеснера произнес с гордостью.

...Где-то внизу, на сцене, репетировали. Актеры вживались в новые роли, режиссер пробовал новые мизансцены — будущий спектакль делал свои первые шаги. А здесь, наверху, не было ни актеров, ни режиссера — но здесь тоже рождался спектакль, здесь тоже шел творческий процесс...

З. ЯНИНА.

На снимках: Т. С. КАРЕЛИНА и М. Г. ЧЕСНЕР; С. М. ГОФМАН; Н. КЛЕПИКОВА.

Фото Н. Медведевой.